

И. М. Дьяконов
«Книга воспоминаний».
Отрывки со страницы 730-731.

В Университете нашу кафедру, как я уже говорил, закрыли «за сионизм». По специальности «история Древнего Востока» оставили одну ставку – и я уступил ее Липину, не зная еще тогда достоверно, что он стукач, и на его совести жизнь милого и доброго Ники Ершовича. Но на одну эрмитажную зарплату было не прожить с семьей, даже с тем, что зарабатывала Нина, и я, по совету ученика моего брата Миши, Лени Брстаницкого, подрядился написать для Азербайджана «Историю Мидии». Все тогда искали предков познатнее и подревнее, и азербайджанцы надеялись, что мидяне – их древние предки. Коллектив Института истории Азербайджана представлял собой хороший паноптикум. С социальным происхождением и партийностью у всех было все в порядке (или так считалось); кое-кто мог объясниться по-персидски, но в основном они были заняты взаимным поеданием. Характерная черта: однажды, когда в мою честь был устроен банкет на квартире директора института (кажется, переброшенного с партийной работы на железной дороге), я был поражен тем, что в этом обществе, состоявшем из одних членов партии коммунистов, не было ни одной женщины. Даже хозяйка дома вышла к нам только около четвертого часа утра и выпила за наше здоровье рюмочку, стоя в дверях комнаты. К науке большинство сотрудников института имело довольно косвенное отношение. Среди прочих гостей выделялись мой друг Леня Бретаницкий (который, впрочем, работал в другом институте), один некий благодушный и мудрый старец, который, по слухам, был красным шпионом, когда власть в Азербайджане была у мусаватистов, один герой Советского Союза, арабист, прославившийся впоследствии строго научным изданием одного исторического средневекового, не то арабо-, не то ирано-язычного исторического источника, из которого, однако, были тщательно устранены все упоминания об армянах¹; кроме того, были один или два весьма второстепенных археолога; остальные все были партработники, брошенные на науку. Изысканные восточные тосты продолжались до утра.

Незадолго перед тем началась серия юбилеев великих поэтов народов СССР. Перед войной отгремел юбилей армянского эпоса Давида Сасунского (дата которого вообще-то неизвестна) – хвостик этого я захватил в 1939 г. во время экспедиции на раскопки Кармир-блур. А сейчас в Азербайджане готовился юбилей великого поэта Низами. С Низами была некоторая небольшая неловкость: во-первых, он был не азербайджанский, а персидский (иранский) поэт, хотя жил он в ныне азербайджанском городе Гяндже, которая, как и

¹ Речь идет о советском и азербайджанском ученом, востоковеде и академике Академии наук Азербайджана Зие Бунятове.

большинство здешних городов, имела в Средние века иранское население. Кроме того, по ритуалу полагалось выставить на видном месте портрет поэта, и в одном из центральных районов Баку было выделено целое здание под музей картин, иллюстрирующих поэмы Низами. Особая трудность заключалась в том, что Коран строго запрещает всякие изображения живых существ, и ни портрета, ни иллюстраций картин во времена Низами в природе не существовало. Портрет Низами и картины, иллюстрирующие его поэмы (численностью на целую большую галерею) должны были изготовить к юбилею за три месяца.

Портрет был доставлен на дом первому секретарю ЦК КП Азербайджана Багирову, локальному Сталину. Тот вызвал к себе ведущего медиевиста из Института истории, отдернул полотно с портрета и спросил:

– Похож?

– На кого?... – робко промямлил эксперт. Багиров покраснел от гнева.

– На Низами!

– Видите ли, – сказал эксперт, – в Средние века на Востоке портретов не создавали...

Короче говоря, портрет занял ведущее место в галерее. Большого собрания безобразной мази, чем было собрано на музейном этаже к юбилею, едва ли можно себе вообразить.

Доказать азербайджанцам, что мидяне – их предки, я не смог, потому что это все-таки не так. Но «Историю Мидии» написал – большой, толстый, подробно аргументированный том. Между тем, в стране вышел закон, запрещающий совместительство, и мне пришлось (без сожаления) бросить и Азербайджанскую Академию наук, и, увы, Эрмитаж с его мизерным заработком. Некоторое время работал с Ленинградским отделением Института истории, созданном на руинах разгромленного уникального музея истории письменности Н.П.Лихачева, а одно время числился почему-то по московскому отделению этого же Института истории.

Дьяконов И. М., «Книга воспоминаний». Изд-во «Европейский дом», Санкт-Петербург, 1995 ISBN 5857330424

Текст адаптирован командой «АНТИТОПОР»
www.antitopor.ru